

Глава 28

— Ты хочешь уйти отсюда?

— Что? — переспросила Акико Ёсано.

— Если бы у тебя был выбор, — Аль-Хайтам скрестил руки на груди, пристально глядя на неё, — ты бы захотела покинуть это место?

Ёсано удивлённо поднялась с земли и посмотрела снизу вверх на этого странного человека, который то и дело ставил её в тупик своими вопросами.

Она долго молчала, взвешивая каждое слово.

— Нет, — наконец тихо, но твёрдо произнесла она. — Я не могу их бросить.

Ёсано мысленно призналась себе, что предложение искусило её. Но секундное колебание уступило место долгу.

Аль-Хайтам едва заметно усмехнулся, будто предвидел такой ответ. Но даже зная его наперёд, он не мог не восхититься её поразительным чувством ответственности. Мало кто согласился бы тащить на плечах чужие жизни, особенно когда эти самые спасённые дышат в ответ лишь ядом и злобой.

«В этом, должно быть, и кроется различие между людьми», — подумал Аль-Хайтам.

Одни распоряжаются чужими жизнями как пешками на шахматной доске, двигая их ради собственного удовольствия или выгоды. Другие же — полная их противоположность — готовы броситься в самое пекло, лишь бы вытянуть остальных из огня.

Что ж, пусть будет так.

— Когда всё закончится, ты бы хотела вернуться к нормальной, человеческой жизни?

— Да, — ответила Ёсано мгновенно, без тени сомнения.

— Хорошо.

Из этого разговора она уловила скрытый мотив Аль-Хайтама. Неужели он действительно задумывался о том, чтобы вытащить её из этого проклятого эсперского легиона?

«Но я не могу дезертировать. Я не имею права бросить этот легион».

Когда Огай Мори прямо сказал ей, что весь Бессмертный легион выстроен исключительно вокруг неё и её способностей, Ёсано поняла: ей суждено остаться здесь и искупить вину за всё, что было порождено этим кошмаром.

— Ты всегда можешь передумать, — негромко добавил Аль-Хайтам.

Он решил, что вернётся к этому вопросу позже. Когда уляжется пыль и всё действительно завершится, он спросит её ещё раз.

— О-хо-хо-о-о! — Кавех с шумом вскинул вверх наполненный бокал.

Сквозь золотисто-янтарный алкоголь весело преломлялся мягкий рыжеватый свет ресторанных ламп. В ответ на дружные здравицы собутыльников архитектор слегка покачнулся, блаженно улыбаясь. Перед его глазами всё уже плыло и двоилось: один бокал плавно превращался в два, а затем и в три...

— Боги, как же давно я нормально не выпивал!

Терпкая, обжигающая, с благородной горчинкой влага приятно затуманивала разум. Кавех глупо улыбался, покачиваясь на стуле и чувствуя, как хмель разливается по телу сладкой слабостью. Вокруг были и старые, знакомые лица, и новые, обрётённые в этом странном ином мире товарищи.

Он действительно не притрагивался к спиртному целую вечность. А тут — такое разнообразие невиданных заморских сортов, да ещё и за чужой счёт! Неудивительно, что Кавех быстро вошёл во вкус и напроочь потерял счёт выпитому, захмелев до полной потери бдительности.

— За великого архитектора Кавеха!

— За спасителя бюджета Вонголы!

— Ура! Теперь-то мои чертежи сдвинутся с мёртвой точки!

Шумное празднество в честь грандиозного успеха шло полным ходом. Когда языки у всех изрядно развязались, кто-то из изрядно захмелевших бедолаг решил подобраться к виновнику торжества поближе, чтобы выведать пару-тройку сочных сплетен.

— Эй, Кавех... — Архитектора бесцеремонно ткнули локтем в бок. Тот смешно склонил голову набок, сиюсь сфокусировать взгляд на вопрошающем и разобрать сквозь гул его слова. — А ты и тот парень... Вы вообще в каких отношениях?

— Какой ещё парень? — непонимающе пробормотал Кавех, хмуря брови.

— Да ладно тебе, какой! Тот самый, суровый, который вечно за тобой приходит. Ждёт тебя минута в минуту, контролирует каждый шаг, как строгий папаша, а ты даже не злишься!

Собеседник понимающе подмигнул. Окружающие мгновенно навестили уши, словно чуткие кролики — никто в здравом уме не откажется от свежих любовных сплетен.

— А-а-а... — Кавеха наконец осенило. — Хайтам, что ли? Да он просто мой сокурсник. Младший.

— Просто сокурсник? — разочарованно протянул парень. — И с каких это пор младшие сокурсники таскаются за кем-то в другие миры, караулят по часам и устанавливают комендантский час? Кому ты сказки рассказываешь!

— На то есть веские причины, — Кавех хоть и был мертвецки пьян, но крупнцы разума ещё сохранял, а потому благоразумно умолчал о том, что в нетрезвом виде имеет обыкновение превращаться в аранару.

— И всё? Никаких пикантных подробностей? — Собеседник явно не собирався отступить. Он-то надеялся на сочную лавстори, а ему подсунули пресную овсянку на воде. — Да брось скромничать! Мы же в Италии, тут нормально крутить романы направо и налево. Любовь должна быть свободной!

— Да нет же... — вяло отбивался Кавех. — Мы совсем не... Всё вообще не так...

Чем больше он пытался оправдаться, тем сильнее запутывался в собственных мыслях.

— Ладно, зайдём с другого боку. Неужели твой ненаглядный сокурсник к тебе абсолютно равнодушен? Ну не верю!

— Абсолютно! — отрезал Кавех с неожиданной твёрдостью. — Это исключено!

— Да брось, между вами искры так и летают! Ни один третий лишний в ваше поле даже вклиниться не может. Как тут без чувств?

Пьяные собутыльники окончательно потеряли чувство такта. Спорить со спьяну упрямым архитектором было делом бесполезным, но алкоголь требовал драмы. Кавех, распаяясь всё

сильнее, стоял на своём.

— Слушайте сюда! — Кавех стукнул кулаком по столу, заставив посуду звякнуть. — Этот невыносимый тип смотрит на меня исключительно как на капризного, глупого ребёнка! Слышите? Как на малолетнего дурачка! И кто, скажите мне на милость, станет заводить роман с трёхлетним младенцем?!

Второй пьяный спорщик упрямо гнул свою линию:

— Вы оба взрослые, состоявшиеся мужики! Какое ещё «дитя»? Это же бред!

Но у Кавеха на этот счёт имелись железобетонные аргументы.

— Ещё во времена учёбы мы вместе работали над одним крупным проектом, — начал он, активно жестикулируя. — Я хотел помочь другим исследователям, облегчить им жизнь, а Хайтам упёрся рогом: мол, не собирается жертвовать скоростью ради кучки бездарей. Мы тогда разругались в пух и прах и не общались кучу лет! Знаете, как он меня тогда назвал? Инфантильным дураком с развитием трёхлетнего ребёнка!

Кавех шумно перевёл дух и продолжил жаловаться, распаляясь всё больше:

— А потом, когда я остался без гроша в кармане и полностью разорился, он пустил меня пожить к себе. И что вы думаете? Мы орём друг на друга каждый божий день! Ему вечно кажется, что я поступаю нелогично, неразумно, глупо! Малейшее разногласие — и он тут же начинает читать мне нотации!

Когда дело доходило до жалоб на Аль-Хайтама, красноречию Кавеха мог бы позавидовать любой уличный зазывала. Он кричал так громко, что даже за соседними столиками начали оборачиваться, прислушиваясь к его гневной тираде.

В итоге несчастным завсегдатаям бара пришлось выслушать подробнейший отчёт о бытовых склоках двух гениев, нескончаемом списке недостатков Аль-Хайтама и всех смертных грехах его сложного характера.

— Уф... — Кавех почувствовал, что у него пересохло в горле. Он единым махом осушил ещё один бокал крепкого спиртного и тяжело вздохнул. — Хотя... Если посмотреть на это с его колокольни, я могу его понять.

Как ни крути, Кавех знал Аль-Хайтама лучше, чем кто-либо другой в этом мире. И за ядовитыми шпильками он всегда умел разглядеть искреннюю заботу, а за показным равнодушием и жёсткостью — протянутую руку помощи.

— Ха-а... — протянул архитектор, глядя на дно пустого бокала. — Когда Хайтам смотрит на

меня, он видит лишь заблудшую душу. Он отчаянно хочет, чтобы я стал разумным, твёрдым... научился, наконец, любить себя. Но... я просто не могу.

Кавех прекрасно знал свои слабости.

Он не умел проходить мимо чужой беды — удушающее чувство вины заживо сожрало бы его изнутри.

Он не умел ценить и беречь самого себя, ведь травмы далёкого детства призраками стояли за спиной, ежесекундно нашёптывая горькую истину: «Ты не заслуживаешь любви».

«Какая разница, что мы делим одну крышу? Для него этот дом — просто место, где временно ютится часть меня», — тоскливо подумал Кавех.

Он тупо уставился на колышущуюся поверхность недопитого алкоголя. На ней не было ни единого пузырька — ровная, холодная гладь, прямо как непроницаемое и всегда рациональное сердце Аль-Хайтама.

— Я никогда не изменюсь, а он никогда не перестанет смотреть на меня свысока. Так что зарубите себе на носу: Хайтам ни за что и никогда в меня не влюбится!

Под сочувственными и крайне озадаченными взглядами собутыльников Кавех торжественно вынес этот вердикт и с глухим стуком уронил голову на сложенные руки, мгновенно отключаясь и лишь невнятно бормоча что-то под нос.

— Ну и ну... Два сапога пара. Оба деревянные по пояс, — покачал головой один из сотрудников отдела разработок Вонголы.

Остальные молча согласились. Будь на месте этих двоих кто-то другой, они бы давно либо признались во всём, либо разбежались. Но эти двое умудрялись создавать из простых вещей неразрешимый узел противоречий.

Шум в баре утих лишь на мгновение, после чего звон бокалов возобновился с новой силой.

Спустя какое-то время тяжёлая дубовая дверь бара отворилась, впуская внутрь поток прохладного ночного воздуха. На пороге показался Аль-Хайтам — он задержался из-за разговора с Ёсано и теперь выглядел слегка утомлённым. Спокойно проигнорировав странные, полные жалости и немного укора взгляды присутствующих, он подошёл к столу и осторожно взвалил спящего Кавеха себе на плечо.

К подобным немым сценам ему было не привыкать — в Сумеру всё происходило по точно такому же сценарию.

«Наверняка этот глупец опять наговорил лишнего», — мысленно вздохнул Аль-Хайтам.

И, судя по всему, в очередной раз выставил его домашним тираном.

— Как обычно... Стоит тебе выпить, и язык начинает болтаться без костей.

Аль-Хайтам слегка потянул за зелёный листок на макушке аранары, в которую только что обратился пьяный в стельку Кавех, шутливо и беззлобно наказывая своего непутёвого сожителя.

<http://bllate.org/book/18256/1755663>